

Всё-таки я переоценил его.

Уже несколько дней я не видел Цзинь Няньчжэня. Хуан Ваньтин сказала, что в последнее время молодой господин Цзинь не покидает городок, изучая то, что удалось извлечь из той могилы.

Под двумя скелетами, почти превратившимися в труху, обнаружили тайный отсек. Он напоминал механический замок. Исследователи провозились с ним всю ночь, хотя снаружи всё уже прогнило. В итоге там оказалась лишь коробка из трухлявого дерева — никакой ценности. Обычная груша, даже антиквариатом не назовешь. Но раз Цзинь Няньчжэню стало интересно, вещь отдали ему, не утруждаясь занесением в опись.

Получив находку в руки, молодой господин Цзинь остался весьма доволен. Он не забыл о цели своего визита — какая-то там Чэнь Ихуань никуда не денется, пусть погуляет еще пару дней.

Сама же Чэнь Ихуань, счастливая, как пташка, отправилась помогать тетушке Ян. В этом году арахис созрел рано. Она заплела свои черные, как шелк, длинные волосы в две косы и вышла в поле.

Сегодня молодой господин Цзинь выехал рано: на рассвете из городка позвонили и сообщили, что под костями нашли еще кое-что — свиток со стихами. Он отлично сохранился, и почерк был вполне разборчив.

Лю Цишань сел в автобус до городка. В салоне стоял душный, тяжелый воздух, казалось, что он даже дрожит от жара. По пути автобус проезжал мимо арахисовых полей. Чэнь Ихуань, склонившись над землей, что-то весело напевала. Она подняла тонкое запястье, чтобы убрать за ухо выбившуюся прядь, и даже не заметила, как на её мягком, изящном профиле остался след от желтой земли.

Лю Цишань приподнялся и обернулся назад. Автобус уже проехал мимо, и в его глазах, полных неясного блеска, мелькнуло сожаление. Лишь когда он окончательно потерял её из виду, он сел обратно.

Деревенские девчонки в детстве любят заплетать косы, но, повзрослев, начинают считать это признаком деревенщины. Но Чэнь Ихуань не выглядела деревенской. Она была такой чистой и утонченной, словно куколка из хрусталя, о которых пишут в книгах. Стоило ей солгать, как на душе появлялась трещинка, а слезы катились из глаз, словно жемчуг или бриллианты — самое драгоценное сокровище в сердце Лю Цишаня.

Он с детства рос без матери, а когда Чэнь Ихуань приехала в Пхеньян совсем одна, отец рассказал ему о её судьбе. И Лю Цишань почувствовал: они оба несчастны, они понимают друг друга без слов.

Тетушка Ян дала ей корзину арахиса. Половину Чэнь Ихуань обжарила с солью и перцем, а

вторую половину сварила вечером, чтобы Дядюшке Хуану было чем закусить вино. Дядюшка Хуан не скупился на похвалу, называя её очень рассудительной.

В конце месяца в деревне намечалось собрание. В этом году, благодаря спонсорской поддержке семьи Цзинь, сюда даже собирались проложить нормальную дорогу, и все были в приподнятом настроении. Однако многие жители во главе с тетушкой Ян выражали протест: семья тетушки Сунь, пользуясь деревенскими субсидиями, совсем забросила поле, и земля пришла в запустение. Если не пахать годами, она истощится, и вырастить там что-либо будет уже невозможно. Суть требований была проста: либо лишить их субсидий, либо отобрать землю.

Тетушка Сунь, сидевшая в самом конце, позеленела от ярости. У неё на лбу вздулись вены. Она вскочила, собираясь наброситься на тетушку Ян, и разразилась бранью:

— Ах ты, дрянная баба! Чем я, старая Сунь, тебе не угодила? Это моя земля, мои субсидии! Ты, бельмо на глазу, кем себя возомнила? Я сегодня тебе все патлы повыдираю, штаны с тебя спущу и привяжу у входа в деревню, чтобы все местные холостяки посмотрели, какая ты распутная!

Она так разошлась, что брызгала слюной, пытаясь запугать окружающих. Тетушка Ян сделала пару шагов вперед, но тетушка Сунь, хоть и размахивала руками, подойти не решилась. По сравнению с перекошенным лицом тетушки Сунь, тетушка Ян выглядела куда спокойнее.

Лицо старосты потемнело, он с грохотом поставил чашку на стол. Окружающие принялись увещевать:

— Тетушка Сунь, ну в самом деле, ваш Чанцин целыми днями сидит дома сложа руки — это же не дело.

— Решайте свои дела в частном порядке, не позорьтесь на людях. Молодой господин Цзинь ведь здесь!

— Да-да, именно!

Матушка Сюй, нахмурившись, сидела рядом с Цзинь Няньчжэнем на почетном месте, предназначенном для гостей старосты. Деревенщина есть деревенщина, только уши молодому господину пачкают! Она хотела уйти, но староста склонил голову и искренне извинился перед Цзинь Няньчжэнем:

— Прошу прощения, молодой господин, что вам пришлось слушать эту брань.

Цзинь Няньчжэнь, вертя в пальцах дешевый стеклянный стакан с наляпистым рисунком, улыбнулся и покачал головой:

— Ничего страшного. Впрочем, эта история меня даже заинтересовала.

Услышав это, тетушка Ян вышла вперед, голос её звучал уверенно:

— Раз молодому господину интересно, я всё расскажу как есть.

Староста увидел, что на губах Цзинь Няньчжэня играет странная улыбка, и, бросив взгляд на тетушку Ян (она не была склонна к опрометчивым поступкам), молча позволил ей продолжить.

— Нет-нет, молодой господин, не слушайте эту бабу! У неё язык без костей, она всё врет! — Тетушка Сунь, поняв, что дело принимает дурной оборот, поползла к нему, пытаясь ухватиться за рукав.

Матушка Сюй пришла в ярость и оттолкнула её, едва сдерживаясь, чтобы не пнуть:

— Что ты творишь?!

Тетушка Сунь, подобострастно заискивая, заныла:

— Сестрица, ты же у меня овощи покупала, помоги мне, замолви словечко!

Тетушка Ян не дала ей шанса:

— Еще и смеешь об этом говорить! Я как раз хотела это упомянуть! Ты продавала овощи семье господина Цзинь по пять юаней за кочан капусты! Цена в два раза выше рыночной! Да еще и поливала её водой перед взвешиванием! А тот дом, где раньше жила Ихуань, построили её родные. Но ты, видя, что ребенок остался совсем один, позарилась на жилье и угрозами заставила её пустить тебя с Чанцином жить туда! Сунь Чуньлань, у тебя сердце чернее, чем у пса!

Тетушка Сунь не ожидала, что об этом станет известно. Она побледнела, губы её задрожали. Она попыталась оправдаться перед Цзинь Няньчжэнем, но стоило ей встретиться с его взглядом, как она застыла. Этот на вид кроткий и добрый юноша смотрел на неё молча. В его глазах читалась острота и глубина, словно в холодном клинке, а в уголках губ затаилась едва заметная улыбка, полная жалости.

Кровь в жилах тетушки Сунь внезапно застыла, холод пробрался прямо в кости, и она на мгновение лишилась дара речи.

— Ах ты, дрянная баба! Семья Цзинь помогает нашей деревне, а ты их обманула! Ты — позор нашей деревни! — выплюнула тетушка Ян, переполненная праведным гневом.

Староста посмотрел на тетушку Сунь ледяным взглядом. Всё было кончено.

Чэнь Ихуань смотрела телевизор на диване, пока Хуан Ваньтин пошла посмотреть на переполох — Цзинь Няньчжэнь тоже был на деревенском собрании. В воздухе еще витал аромат вечерней трапезы. Устав за день, девушка задремала, укрывшись пледом с лягушатами. Её запястье свисало с края дивана, а на лице застыло безмятежное выражение.

Прошлой ночью разыгрался настоящий спектакль. Тетушка Сунь голосила в сельсовете, как на похоронах, сопли и слезы лились в три ручья. Староста не только отобрал у неё заброшенную землю, но и лишил субсидий.

Утром, когда Чэнь Ихуань проснулась, Хуан Ваньтин стирала во дворе одежду. Она всегда стирала вещи Дядюшки Хуана, но, увидев, что пришла Чэнь Ихуань, Дядюшка Хуан специально попросил её не давать девушке прикасаться к его вещам — мол, неловко, когда чужая дочь стирает его одежду.

Хуан Ваньтин с загадочным видом спросила:

— Знаешь, что вчера случилось?

— Что?

— Огромное событие! Староста забрал землю и субсидии у семьи тетушки Сунь, а еще приказал им больше не смей к тебе приставать.

Это была отличная новость. Чэнь Ихуань мягко улыбнулась: надо будет поблагодарить тетушку Ян.

— Тебе стоит поблагодарить молодого господина Цзиня, — Хуан Ваньтин, вспомнив вчерашний вечер, не могла скрыть зависти. — Если бы тетушка Сунь не прогневала его, твое дело так бы и замяли.

Улыбка Чэнь Ихуань погасла, она замерла на месте.

Цзинь Няньчжэнь понимал, что Чэнь Ихуань — дерево, которое не так-то просто сдвинуть с места, но у него было достаточно терпения и времени. Ничего, он не спешит.

<http://bllate.org/book/22133/2306015>